

Джейсон опустился на одно колено, глядя на беспорядок, который я устроил на полу у Селены. В свою очередь, Алый Оракул лишь легонько хлопнула меня по плечу за причинённый ущерб и закатила глаза, когда я пробормотал извинения.

— Солус, — хрипло сказал Джейсон. — Мне жаль, я... моей трусости нет оправдания. Ничего, что я могу сказать...

— Какой трусости? — спросил я.

Он поднял на меня глаза, всё ещё широко раскрытые. Его зрачки почти полностью затмили голубое пламя за ними.

— Что?

— Они не умеют читать наши мысли, — устало сказал Скифас, прислонившись к стене напротив нас. — Даже если иногда кажется по-другому. Тебе нужно быть более конкретным.

— Ты извиняешься, — спросил я, — за то, что пробрался под плащ Скифаса, как мелкий воришка? Или ты извиняешься за то, что остался под ним, вне поля зрения, пока мы с ним разговаривали? За то, что наблюдал за нами, когда знал, что мы не можем наблюдать за тобой?

— Я не извиняюсь за это, — признал он, выдавливая из себя слова. — Хотя мне стоит, и теперь я извиняюсь. Это первое, что я должен был сделать, до того как начать говорить что-то ещё. Я извиняюсь и за это тоже. — Когда он стиснул зубы, словно от физической боли, я заметил, что его правый клык слегка отличается от остальных. Не естественный зуб, а резной клык из чистого белого золота.

Я позволил ему самому разобраться с этим. Каждый офицер в легионах, от самого низкого Трибуна до самого высокого Легата, знает, что молчание и чувство вины вытягивают из солдата слова быстрее, чем всё, что может сделать офицер. Тебе нужно только находиться рядом, быть оглушительно громким в твоём молчании и ждать, пока они сами себя сломают.

Хотя признаться, вид меня, сидящего на любовно украшенной кушетке шестнадцатилетней девочки, пока она массировала мне плечи, вероятно забрал что-то из взгляда капитана. Но к счастью, Джейсон рисковал навлечь на себя гнев всех тиранов на этой горе, пробравшись сюда вместе со Скифасом, только чтобы исповедаться. Ему не потребовалось много времени.

— Раньше, — сказал он. — За Овода.

Я терпеливо ждал.

— Что насчёт Овода? — мягко спросила его Селена. Капитан Алебастровых Островов тяжело выдохнул.

— За то, что не пришёл на помощь, когда он схватил тебя, — уточнил Джейсон, ударив костяшками левого кулака об пол. Каждая аметистовая жилка, вкрапленная в мрамор, вспыхнула, на мгновение осветив все четыре угла комнаты. — Я должен был сделать хоть что-то. Не прошло и одного дня после того, как я пообещал, что буду рядом с тобой, и я сделал ничего.

— Пока Овод держал тебя, я делал ничего. Пока Грифон бросался в опасность, я делал ничего!
— Он схватился за голову другой рукой, снова ударив пол. Он рычал. — Против самого Учёного, скованный силой философа, Грифон всё ещё действовал без колебаний. Когда Овод унёс тебя на гору, он помчался за тобой так, будто сам Цербер кусал его за пятки!

— А я делал НИЧЕГО!

Пламя в глазах Джейсона вспыхнуло, как костёр, выплёскиваясь за пределы радужки. Его героическая пневма пронеслась по комнате. Ярость и отвращение к себе преодолели контроль, и я увидел проблеск истинной силы пирата.

Свет в комнате – факелы и зажжённая жаровня в углу – потускнели и померкли до едва заметных бликов. Звуки ругательств Скифаса, поднимающегося на ноги, были полностью потеряны для моих ушей, и вместо них я почувствовал лишь слабые вибрации на коже. И я увидел глазами своего софического чувства, как его яростное влияние потянулось и раздробило прекрасно выточенный бюст женской головы.

Я скорее почувствовал, чем услышал, как Селена вскрикнула позади меня, когда бюст был разрушен. За то время, что потребовалось моему сердцу чтобы ударить один раз, я увидел как влияние Джейсона ударило вновь, схватив кодекс заполненный листами чистого золота вместо папируса, которые начали трещать под его влиянием. И я увидел, как за долю секунды этот свёрток из кожи и золота сложился сам в себя дюжину раз.

Прежде чем моё сердце успело ударить во второй раз, орехово-золотой свет передо мной и алый свет позади меня прорезали темноту. Скифас рванул через комнату, а Селена перепрыгнула через кушетку, обе их Героических души вспыхнули ослепительно ярко.

И всё же, моё сердце успеет ударить во второй раз, прежде чем кто-либо из них доберётся до Джейсона. К тому времени нить влияния пирата, тянущаяся ко мне, уже доберётся до своей цели. Два удара и ни одного более.

В этом промежутке между первым и вторым ударом, пока Герой и Оракул отчаянно тянулись вперёд, а грозный пират начал отступать назад, с ужасом осознавая то, что он только что сделал, я наконец понял, что именно делает его влияние. Эффект, о котором я слышал лишь из вторых рук, от своего отца.

Когда Гай был ещё юношей, всего двадцати пяти лет от роду, он попал в плен к пиратам в Адриатике. Это было до того, как он стал тем, кем мы знаем его сегодня, до того, как он стал Генералом Запада, но этот человек был в нём уже тогда. Поэтому, когда пираты назначили за него выкуп как за молодого патриция, а не генерала, Гай потребовал от них поднять цену – и даже пообещал, что проследит, чтобы её выплатили.

И пока они смеялись, выполняя его команду, он дал им ещё одно обещание. Что когда-нибудь он вернётся с легионом за спиной и повесит каждого из них на крест за их преступления.

Они, конечно, вряд ли ему поверили. Но Генерал Запада всегда выполняет свои обещания, не так ли? Гай вернулся со своим Легионом, как и обещал, и прибил каждого из этих пиратов к кресту.

Обычно в рядах легиона есть люди, которым поручено завершить распятие. Некоторые используют ножи, другие – мечи или колючие плети. Правильный метод – копье, но я уже говорил тебе об этом. Один удар в сердце – и правосудие свершилось. В большинстве случаев, Гай придерживается того же мнения. Но эти пираты были виновны в преступлениях иного масштаба, против большего числа людей, чем один Гай. Вся Республика страдала от их присутствия в Адриатике.

Поэтому, после того как они провисели на кресте тридцать восемь дней, равным тридцати восьми дням, что Гай находился под их опекой, он объявил, что приведёт их к могилам их жертв – дабы они могли как следует исповедоваться перед смертью.

Верно, Солус. Они были пиратами – их жертвы были похоронены на дне Адриатического моря. И так, Гай сам отвёл их туда, таща их в глубины, пока мы наблюдали с берега.

Когда он поднял их обратно, их кресты были разбиты, а тела провалились сами в себя. словно боги взяли каждого из них в руки – и раздавили, как гнилые фиги.

Влияние Джейсона коснулось кончика моего носа, и утянуло меня на морское дно.

Скифас настиг его первым, впечатав в дальнюю стену и озарив комнату ещё одной вспышкой аметистового света, когда камень поглотил удар. Следующей была Селена, ударившая кончиками указательного и среднего пальцев по его груди над сердцем, – и хотя удар Оракула был куда менее взрывным, даже не настолько сильным, чтобы вызвать мерцание аметистовых вен в комнате, но пневма Джейсона отпрянула, как пнутая собака. Наконец сам мужчина вновь обрёл контроль над жизненной сущностью своей души, и ревущее синее пламя в его глазах угасло за долю секунды.

— Солус! — закричали три героических культиватора, каждый из них в страхе.

Моё сердце ударило в третий раз. Я втянул воздух, и каждый из них замер, уже на полпути назад через комнату. Я задержал дыхание на мгновение.

— Джейсон, — я выдохнул.

Гравитас.

Герой Алебастровых Островов врезался в пол, придавленный добродетелью капитана. Я вложил в это всю свою силу так, как я не делал с тех пор, как стал рабом. Прошло полтора года с тех пор, как Тартар вот так взял меня в руки, как смерть прошептала своё имя мне прямо в ухо. Мой дух взревел в ответ.

— Контролируй себя, — приказал я. Эти слова были обращены ко мне в той же степени, что и к нему. Я едва расслышал их из-за звона в ушах.

Пневма Джейсона резко вернулась в него. Его влияние исчезло из комнаты.

— Сол, — прохрипел Скифас, наполовину поднявшись из спринтерского приседания.

Селена в мгновение ока преодолела оставшееся между нами расстояние, положив одну руку мне на сердце, а другой взяв меня за подбородок и откинув мою голову назад. Золотистая вуаль была сорвана с её лица в какой-то момент, а волосы вырваны из кос, безумной скоростью Героического культиватора. Они рассыпались по её плечам и спине, и это зрелище было знакомым по причинам, которые я не мог описать.

Горящие алые глаза встретились с моими. Из всех Героических культиваторов, с которыми мы с Грифоном встретились в Олимпии, она была единственной, кто знал, что я именно тот, кем кажусь. Софический культиватор, как это понимали Греки.

— Как? — прошептала она. Это был справедливый вопрос. Даже мгновение под влиянием разгневанного Героя должно было быть смертельным для человека моего положения. Особенно под таким, как влияние Джейсона.

Я заставил себя сомкнуть челюсти своего духа, подавив всё, чтобы Герои в комнате увидели лишь холодное презрение в моём выражении. Но я не мог обмануть Селену. Не тогда, когда она прижимала руку к моей груди – когда она чувствовала, как моё сердце бьётся о ребра с удвоенной силой.

— Я не настолько хрупкий, — заверил я её. Она не выглядела более убеждённой, поэтому я продолжил. — Он всего лишь взвалил на мои плечи Эгейское Море. Он мог бы добавить к нему Ионическое, и Адриатическое – и этого всё равно не хватило бы, чтобы раздавить меня.

Преувеличивал ли я? Разумеется. Я чувствовал, как сгибаются мои кости, когда влияние Джейсона утаскивало меня на дно моря, я чувствовал, как давление вытесняет из моих лёгких воздух. Если бы я остался там, в его власти, то я понятия не имею, сколько бы я мог вытерпеть, прежде чем моё тело провалилось бы само в себя.

Но прежде всего, мне повезло, что его влияние проявилось именно так, как проявилось. Если в этом мире есть хоть одна вещь, в которой я преуспел как культиватор капитанской добродетели, так это в выдерживании давления.

— Конечно, нет, — сказал Джейсон, хихикая от беспомощного облегчения. Он полностью опустился на пол, перекатившись на спину и громко хохоча. — Конечно, нет! Только не для тебя – спасибо Музам и Судьбам, что ты – это ты! Ты сделан из более прочного материала.

Я подавил кашель. Что-то подсказывало мне, что харканье кровью испортит его впечатление обо мне.

— Безрассудный ублюдок, — прорычал Скифас, разворачиваясь и нанося удар ногой в бок своему Героическому товарищу. Джейсон только сильнее рассмеялся. — А что, если бы ты вместо этого ударил Оракула, а?! Ты бы всё ещё смеялся?!

Три резких стука в белую как кость дверь заставили обоих замолчать. Селена вскинула голову. С одной рукой, всё ещё прижатой к моему сердцу, она наклонилась через меня и положила другую ладонь на дверь. Её пневма пробежала по ней тёплым потоком.

— Кто там? — её голос звучал спокойно, совершенно не сочетаясь с её дикими волосами и разорванными шелками.

— Я.

Селена посмотрела на меня, лишь слегка за пределами паники. Что нам делать? пробормотала она, и каким-то образом тайна Вавилонского осколка позволила мне прочитать её слова по губам, как будто она говорила на Латыни.

Я задумался об этом. Позади нас Скифас и Джейсон оставались неподвижными. Они даже не дышали. И надо признать, у них были веские причины для беспокойства.

Скифас точно знал, что его завеса ветра не выдержит проверки Тирана в их владениях и не укроет его от взгляда Ураганного Оракула. За пределами этих известных величин, по его заверениям, он мог проскользнуть мимо любого на этой горе. Любого, кроме одного. Была ещё одна неизвестная – человек, которого Скифас не мог оценить.

Сократ нетерпеливо постучал в дверь из слоновой кости Селены: «Выпускай мальчишку. Он уже достаточно долго прохлаждается у тебя».

Скифас не знал, выдержит ли его вуаль пристальный взгляд Овода, а я не могу представить, какотреагирует мой наставник, если поймает их двоих, проскользнувших внутрь. Стоило ли это риска?

Если бы в моих венах было бы меньше адреналина, после того как я едва избежал моей несвоевременной кончины под волнами, мой ответ мог бы быть утвердительным. Но увы.

— Ты извинился, и ты устроил истерику, — обратился я к Джейсону, поднимаясь на ноги. Селена, всё ещё сидящая на мне, чтобы добраться до двери, ахнула, когда я поднял её, перекинув через плечо. — После того как ты убедил Скифаса пронести тебя сюда его силой, а не твоей, и после того как я сам вытащил тебя из завесы, потому что ты не мог заставить себя произнести первое слово.

С каждым словом, я прижимал его всё сильнее. Пока океанское пламя за его глазами не стало лишь тусклыми угольками.

— Тебя это устраивает? — потребовал я, пока Сократ стучал в дверь. — Это всё, чего стоит твоё слово?

— Нет.

И, собрав последние силы, последние крохи, которые не были потрачены на сопротивление его влиянию, а затем на то, чтобы вбить его в пол, я поднял его. Гравитас заставил его подняться на ноги.

— Тогда докажи это, — приказал я Герою Алебастровых Островов. — Ты говоришь, что сожалеешь о том, что колебался в присутствии Овода? Вот твой второй шанс.

И с этими словами, не обращая внимания на протесты Селены и злобные ругательства Скифаса, я распахнул дверь. По ту сторону порога стоял Сократ с хмурым выражением на бородатом лице. Как только он увидел, в каком состоянии находится комната и мы в ней, хмурый взгляд потемнел.

— Ну и что это такое? — спросил он меня нервирующе-нейтральным тоном.

Я осмотрел сцену. Алый Оракул, перекинутая через моё плечо, как мешок с мукой, её дико растрёпанные одежда и волосы, пара Героев, которым явно не рады в этой части горы, ах и, конечно, остальная комната.

— Тебе нужно быть более конкретным, — просто сказал я.

Сократ глубоко вдохнул.

— Мальчишка...

Что бы он ни собирался сказать дальше, его прервал крик орла. За которым вскоре последовали женские крики. Дверь в комнату Селены находилась за колонной, так что другие оракулы не могли видеть нас, а мы не могли видеть их. Однако мы вполне могли их слышать.

— Орёл!

— Как величественно...

— Мерзкая птица, вон, вон, вон!..

Сорея ловко облетел колонну, пронёсся над головой Сократа и сильно ударил крыльями, чтобы погасить импульс. Массивные когти мягко обхватили мою протянутую руку, и Селена протянула руки под его клюв, пока он напрягался.

— Только в Риме, — с отвращением пробормотал Сократ, наблюдая, как мой орёл-посланник выблёвывает рулон папируса в руки Селены.

Селена развернула послание и наклонила лист, чтобы мы четверо могли его прочитать.

— О нет, — выдохнул Скифас.

— Что там написано? — потребовал Сократ. Я прочитал ещё раз, просто чтобы убедиться. Это не заняло у меня много времени – послание состояло всего из одного слова.

— "Узри".

Оракулы закричали, когда ещё один орёл пронёсся через двор. Сократ фыркнул, развернулся на пятках и шагнул вперёд, когда несущая колонна перед нами взорвалась. Грифон пронёсся сквозь летящую шрапнель, вокруг него пылали тридцать рук панкратиона. Сократ презрительно поднял руку, вплетая в это простое движение сотню истин, и –

— Это справедливость, — сказал мне мой отец, когда разрезанный труп павшего бога накрыл мои глаза своей непостижимой ладонью. — Запомни его лицо.

– Грифон атаковал нас всех воспоминаниями о чём-то, что он даже не мог полностью вспомнить. Вместо яркой ясности, которую навязывал мне Сократ своими воспоминаниями о войне, это было послание чистого шока и благоговения. Это было грубо, и это было грязно. Здесь не было никаких аргументов – только заявление.

Бывший Молодой Аристократ Розовой Зари ударил нас всех пленительным восхищением

падшего бога солнца. И за ту долю секунды, что потребовалась Сократу, чтобы смахнуть это, Грифон добрался до него и ударил его кулаком в горло.

<http://tl.rulate.ru/book/93122/3587050>